

Каждый человек рано или поздно
выдумывает для себя историю,
которую считает своей жизнью.

*Макс Фриси,
швейцарский писатель*

ПРОЛОГ 1700 ЛЕТ НАЗАД

Старуха неподвижно сидела на холме, вглядываясь в ночную тишину города Генава, где ныне смогли ужиться вместе и гельветы, и реты, и этруски, и завоевавшие их всех римляне.

Конечно, Генава была не таким большим городом, как Авентикум, вчерашний римский лагерь, ставший столицей на Швейцарском плато, окружённом Альпами с юга и востока, которые прячут за каменными заснеженными хребтами Женевское озеро и длинную быстротечную реку Рону. Но Генава, нынешняя Женева, была намного старше Авентикума, кельтские племена жили здесь еще за триста лет до прихода римлян.

У подножия холма под лунным светом переливалась серебром вода озера. Разрушенный и вновь восстановленный старый город кое-где освещался огнями и был тих и безмолвен. На лёгких волнах покачивались уже мирные триремы, их паруса были такими же белыми, как и лебеди, сложившие свои длинные шеи себе на спину во время сна.

В римских банках, спящих под звёздным небом, словно отражение небесных светил, покоились тускло поблёскивающие золотые, серебряные и медные монеты, за которыми присматривали отставные всадники. Там же были спрятаны от жадных глаз трофеи из Средиземноморья, Африки и Востока. Возможно, именно те, кто помнят историю, относятся с особым благоговением к гигантским швейцарским барахолкам, занимающим заброшенные железнодорожные станции в деревнях, где даже две тысячи лет спустя может кому-то случайно перепасть какая-нибудь таинственная вещица.

Воздух был остывший и влажный. Сырость тяжело пропитала отрепья старой женщины, ее почти выцветшие серые глаза смотрели вдаль, как будто она видела что-то такое, что не дано видеть простым смертным. Вокруг не было ни души. Пустота и темень окутывали таинствен-

ную женщину плащом ночи. Что она делала в этот час на холме, что пыталась разглядеть в сгустившемся мраке — на это не было ответа.

Она появлялась в неожиданных местах города, никто не знал, где ее дом и кто ее родные. Никто никогда не заговаривал с ней. Только лишь однажды на городском празднике, когда гельветские музыканты играли на карниксах, а из пастей медных драконов на верхушках труб исходил мрачный и резкий звук, оглушающий людей на площади, один мальчик, заметив в толпе старуху, которая не отрываясь пристально смотрела на него, испугался и закричал: «Эрикьюрэ! Смотри, мама, там Эрикьюрэ!» — дёргая мать за руку. Он словно узнал в оборванной женщине черты кельтской богини из подземного царства, которой преподносили жертвы римляне, выпрашивавшие для себя богатства.

Но мать лишь спрятала малыша под свой плащ, уводя в сторону.

В III веке нашей эры в Швейцарии расцвела эпоха мира и благосостояния. «Римский мир» гарантировал надёжную защиту дальних границ и мирную интеграцию населения в состав Римской империи: здесь строились лучшие на планете дороги, воспитывались высокие умы и одухотворённые души.

Гельветы пасли скот на альпийских лугах, славились как хорошие земледельцы и грамотные люди из аристократических республик. Столетия они терпели на своей земле то римлян, то французов, то странников, особенно с кем не сближаясь, скорее даже брезгуя чужестранцами, но позволяя жить им рядом с собой, словно уже тогда гельветами управлял дух высококлассных отельеров, выставляющих соседям дорогие счета за свои молоко, хлеб, вино и воздух. Будто сказочные гномы, гельветы беспокоились только о безопасности своих железных сундучков, набитых чужими деньгами, и позволяли то одним, то другим завоевателям иллюзорно править своей землёй и охранять границы швейцарского плато от варваров.

Две тысячи лет Генава переходила от одних правителей к другим, ее бесконечно наполняла многоликая чужеродная толпа. Во все времена днем и ночью на озере раскачивались парусники и резали воду лебеди, грозные Альпы, подобно древним богам, обдавали холодом жителей своего подножия, банки у холмов меняли названия, обеспеченные люди приезжали в Женеву снова и снова, чтобы насладиться фантастически красивыми видами и своим богатством.

В Древнем Риме работники банкиров проверяли достоинство монет перед приёмом их на хранение, затем укладывали в специальные ёмкости, подзывая свидетелей, чтобы те приложили свои печати. Специальный служащий ставил особый знак, беря тем самым ответственность за хранение на себя.

Мало что изменилось за две тысячи лет.

Кассиры по-прежнему запечатывают пачки денег фирменной банковской бумагой, а в альпийских деревнях всё так же говорят на старороманском языке, который с лёгкостью разобрал бы древний римлянин. На лугах, как и прежде, звенят тяжёлыми колокольчиками дородные коровы, музыканты играют на летних фестивалях, гостей угощают густым расплавленным сыром, дети из далёких стран стараются найти на швейцарском плато свой дом и счастье, но всё так же внимательные зоркие таинственные глаза незаметно для окружающих наблюдают за жителями то с одного, то с другого холма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЖЕНЕВУ

Солнце заполняло комнату, от него было невозможно спрятаться. Через толстые стекла лучи нагревались и расплзались горячими змеями по постели, касаясь сначала голых пяток, затем аппетитной попки, спины и наконец глаз, заставляя зажмуриться. Окна практически заменили стены — так строили фабричные здания, чтобы во время взрыва стекла могли взять на себя ударную волну, сохранив строение целым.

«Какой забавный факт — видимо, здесь можно устраивать бомбические вечеринки», — однажды прозвучало в местной курилке. Раньше здесь производили часы Rolex, а сегодня в этой общаге, залитые золотым светом, мота-

ют студенческий срок детки из богатейших семей мира.

А еще из общаги открывается самый живописный вид в городе — прямо на Женевскую реку Рону.

На первом этаже здания находятся: прачечная, офис надзирательницы, лаундж, на диванах которого в выходные можно застучать новоиспечённую парочку. Ну, и конечно же — царство всех грехов и обитель знаний — два в одном — местный бар «Этнос». Там студенты переписывают конспекты на свежем воздухе, едят что придётся и остаются за полночь, в дыму сигарет и травки иногда забывая вернуть официантам пивные бокалы, топя с ними, как с родными, к себе в комнаты. Поговаривали даже, что одна девушка, оканчивая последний курс, решила вернуть обратно всё наворованное. Так вот, набралось четыре икеевских коробки!

В гигантских окнах общежития Les Berges* виднелись симпатичные молодые люди с разными оттенками кожи, и звучали то японский рэп, то русская попса, то арабская молитва.

На подоконниках были выставлены собрания дизайнерских сумок, стоимостью в этаж

* «Крутые берега».

самого здания, глянцевые учебники, макбуки и бутылки алкоголя, среди которых были и настойка из южноамериканской деревни — милый сувенир чьей-то бабушки, и нежно золотое шампанское Cristal, и просто как неотъемлемый атрибут — роднулечка виски Jack Daniels.

Как и положено всем драгоценным витринам, иногда на Le Berges покушались проходящие мимо албанцы, караулившие у входа девочек, вышедших «на сигаретку», а в прачечную умудрялись проникнуть преступники особого рода, исхитрившиеся красть одежду напрямиком из барабана стиральной машины.

Валя обернулась к окну. Сквозь слипшиеся комочки вчерашней туши для ресниц и море света из прозрачных стен она заметила две фигуры, маячившие за стеклом. Это были два довольных промышленных альпиниста, подвешенных на верёвках. Они ползали вдоль окон, отмывая их до блеска.

Валя с интересом стала за ними наблюдать. Они тоже внимательно разглядывали Валу, лежащую на постели в одном нижнем белье. Альпинисты так красиво смотрелись на фоне зелёного холма у реки, что Вале подумалось: это же два человека-лемура! Такой гибрид водится в этом районе города, потому что на хол-

ме выросло слишком много новых домов. В Женеву зверушек завёз, скорее всего, бразилец Лукас с пятого этажа. Беднягам-лемурам ничего не оставалось, кроме как адаптироваться к окружающей среде. Да, и вот же — среди верёвок виднеются два огромных полосатых хвоста, с их помощью полуобезьянки получают конкурентное преимущество для работы альпинистами: им легче держать равновесие.

И тут один из хвостов опустил в ведро с водой и протёр Валино окно.

— Как интересно... Блядь, у меня же нет штор! — вскрикнула Валя, но русского за окном никто не знал.

В ответ протянулось приглушенное стеклом:

— Вонjó-о-о-ur!

Ну, то есть «Валя, с добрым утром!».

Завернувшись в одеяло вместе с айфоном, полуголая Валентино, как Валю называли в общаге, моментально оказалась в ванной. Загорелось время на экране телефона. Ну точно, проспала!

Валя была похожа на авторскую куколку из кукольного магазина: аккуратный пухлый бантик губ, оленьи глаза, тёмные длинные волосы и чрезмерно белая кожа. Ее сознание было еще детским, она все принимала близко

к сердцу, часто бывала задумчива и любила рассказывать о своей семье: какая она у нее большая и как ее папа строит для всех новый дом, куда она уже заранее позвала погостить всех университетских друзей, с которыми, казалось, ей было просто необходимо постоянно говорить о любви и то и дело обнимать их, словно ей всего этого сильно не доставало. Окружающим хотелось о ней позаботиться, а ее порой странная манера одеваться означала лишь то, что Валя все еще в поисках себя. При этом от нее исходила изнуряюще манкая притягательность, но сама она этого не осознавала. Сложно точно объяснить, в чем был секрет. Может быть, хотелось разглядеть ее темные глаза, в которых мир отражался всегда волшебным, или не упустить возможность, приветствуя, обнять ее — когда она особенно ласково прижимала к себе. Она была как цветок, который просился в руки, готовый наполнить своим ароматом чей-то дом, способный ради этого даже умереть. Или, может, чувствовалось, что в этой девочке тикал атомный заряд, заложенный рукой ее отца, и никто не знал, в какой момент может произойти взрыв.

Но ядерное содержание и красота были присущи многим девушкам в университете

Webster — американском университете со швейцарской аккредитацией, ведь все они были дочерьми отцов, сумевших сколотить колоссальные состояния. Хищничество и пока еще спящий криминальный ум передались им по крови. И хотя большинство их отцов уже давно были женаты во второй раз, их первые избранницы, мамы этих девочек, когда-то были редкими красотками.

Вале скоро должно было исполниться восемнадцать, но она уже оканчивала первый курс, будучи самой юной студенткой во всем университете.

После окончания московской школы у Вали состоялся разговор за ужином с отцом и его показательно чудесной юной женой. На вопрос, где Валя хочет учиться после школы, она четко ответила, что собирается поступать на режиссёрский факультет в Москве, но это означало бы, что придётся остаться под боком у семьи.

— Ой, милая, тебе этого совсем не нужно. Сейчас все хорошие дети из приличных семей едут учиться в Англию... или Швейцарию... — видимо, стараясь изобразить диалект кошачьего, рассказала о своих помыслах Любочка. И наверняка еще ни раз настоятельно повторила отцу Вали это наедине.